
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-140-158

УДК 821.161.1

Ю.А. Бунин о литературных объединениях Москвы: 1890–1917 гг.

Т.В. Гордиенко

Аннотация: Статья посвящена литературным, просветительским и культурным организациям Москвы конца XIX – начала XX вв. Основой ее стали автографы, черновые наброски, записи Ю.А. Бунина, хранящиеся в его фонде в РГАЛИ. Известный общественный деятель, журналист, редактор педагогического журнала «Вестник воспитания» вел записи о своем времени и о тех событиях в мире литературы и искусства, в которых ему довелось участвовать. В полном объеме тексты публикуются впервые.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX вв., литературные объединения, общества, кружки.

Информация об авторе: Тамара Викторовна Гордиенко, кандидат филологических наук, независимый исследователь. Москва, Россия.

E-mail: tamara_gordienko@mail.ru

В Предисловии к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга» составитель Манфред Шруба отметил, что «обилие и многообразие объединений (кружков, салонов, обществ и т.п.) в России конца XIX и первых десятилетий XX в. свидетельствует о значимости этого социокультурного явления для литературной жизни и культурной атмосферы эпохи в целом»¹. Особое внимание автор словаря обратил на то, что «принадлежность писателя к тому или иному обществу или кружку отражает зачастую его литературное направление, идеологическую установку, жанровые предпочтения, социальный статус, круг знакомств и творческих контактов и составляет немаловажный элемент его биографии», тем самым подчеркнув важность этих сведений.

¹ Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 5.

В словаре неоднократно упоминается Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921), фигура заметная в литературных кругах того времени, ибо старший брат И.А. Бунина принимал участие в работе многих литературных объединений, о которых идет речь в словаре, и оставил о них свои заметки². В частности, приведены цитаты из его черновых записей о тех объединениях, участником которых он был. Это закономерно, ибо Юлий Алексеевич Бунин внес немалую лепту в их работу и как участник, и как журналист, и как мемуарист.

Представитель обедневшего, но знатного рода Буниных, корни которого уходят в XV в., Юлий получил прекрасное образование: окончил в 1877 г. 1-ю Воронежскую классическую гимназию с золотой медалью и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета (ИМУ). Учитывая его способности к математике, ему прочили карьеру ученого, но он преуспевал и в гуманитарных науках; учась в университете на физико-математическом отделении, слушал лекции известных профессоров на историко-филологическом и юридическом факультетах, многое изучал самостоятельно. Об учебе в Московском университете оставил воспоминания³.

Характеризуя своих сыновей, Алексей Николаевич Бунин обозначил старшего сына как человека «трусоватого, который и на лошадь боится сесть», однако тот вопреки дворянским установкам семьи поступил довольно храбро, выбрав нелегкий путь революционера-народника, полный опасностей и тревог, в те времена потребовавших от него мужества и смелости. Участие в революционных кружках и активная политическая деятельность, направленная против самодержавия, привели к тому, что в 1881 г. Юлий Бунин был «уволен из Московского университета без права восстановления», и хотя к тому времени студент полностью выполнил теоретическую программу четырехлетнего университетского курса и успешно сдал окончательные экзамены, из-за участия в политических выступлениях студен-

² Литературный кружок «АНДРЕЕВА ПОНЕДЕЛЬНИКИ» (С. 20); литературные журфикусы «ЗЛАТОВРАТСКОГО СУББОТЫ» (С. 55); издательское объединение (КПвМ) «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ» (С. 73); клуб деятелей литературы и искусства «ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК (ЛХК)» (С. 109); журфикусы «МИХАЙЛОВА ЧЕТВЕРГИ» (С. 123); литературное объединение «МОЛОДАЯ СРЕДА» (С. 125–126); литературное объединение «ОБЩЕСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ» (ОДППИЛ) (С. 143); литературное объединение «ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ЛИТЕРАТОРАМ И ЖУРНАЛИСТАМ (ОПЛиЖ)» (С. 153); литературный кружок «ПАРНАС» (С. 166–167); литературный кружок «СРЕДА» (С. 228–230); литературно-художественный кружок «ТИХОМИРОВА СУББОТЫ» (С. 241); ШМАРОВИНСКИЕ СРЕДЫ (художественный кружок «СРЕДА») (С. 266).

³ Бунин Ю.А. Из студенческих воспоминаний // Гордиенко Т.В. Ю.А. Бунин: Материалы к биографии. М.: ИКАР, 2017. С. 126–128, 153–156.

тов и в сходах к защите выпускной работы допущен не был. Но он не спасовал, не сдался. Выпускную работу защитил в Харьковском университете, в котором восстановился в 1882 г., и получил диплом кандидата математики. Политических убеждений не изменил, был автором некоторых документов по истории движения народолюбцев. Его работы «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции» и «Проект организации “Народной партии”» были отпечатаны в харьковской подпольной типографии Иордана за подписью «Алексеев»⁴. Когда псевдоним был раскрыт, Бунин получил тюремный срок, а затем на три года отправлен под надзор полиции в ссылку, которую отбывал в имении родителей. Времени там зря не тратил. Увидев особую одаренность младшего брата, учившегося в гимназии, начал с ним заниматься дома, проявив редкие педагогические способности. Позже он рассказывал В.Н. Муромцевой-Буниной, что знаний у Вани было еще мало, но «не прошло и года, как он так умственно вырос, <...> суждения его были оригинальны, подчас интересны и всегда самостоятельны»⁵. Под руководством Юлия Алексеевича брат завершил четырехлетний гимназический курс и дополнительно получил знания по многим разделам литературы, истории, философии.

Кроме математики Ю.А. Бунин профессионально занимался статистикой: в Харьковском университете изучал статистику и некоторое время работал в статистическом бюро Харькова, а с 1890 по 1897 г. заведовал Статистическим бюро в Полтаве. Примерно в то же время увлекся журналистикой, писал статьи, печатался в газетах, входил в редколлегию «Полтавских губернских ведомостей», со временем стал активным деятелем журналистского цеха в России: вместе с П.Д. Боборыкиным стоял у истоков профессионального журнала «Журналист» и был одним из инициаторов создания Союза журналистов России.

Именно журналистика со временем стала его основной профессией: с 1897 г. вплоть до его закрытия в 1918 г. Ю. Бунин был редактором «Вестника воспитания», одного из лучших педагогических журналов того времени. Журнал также уделял большое внимание литературе, искусству, в нем печатались известные писатели, литературоведы, критики⁶. Редактор был деятельным, активным, «жил

⁴ Подробнее об этом см.: Сайкина О.А. Новый документ по истории народолюбческого движения // Отечественная история. 2000. № 5, сент.–окт. С. 154–159.

⁵ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. С. 62–63.

⁶ «Вестник воспитания» (1890–1917) выходил в Москве восемь раз в год объемом от 15, а иногда и до 20 п. л. и был адресован учителям и родителям. Особенность его состо-

спокойной и культурной жизнью, с очень общественным оттенком: состоял членом бесчисленных обществ, комиссий и правлений, заседал, “заслушивал”, докладывал, выступал на съездах, и т.п. <...> Юлий был мера, образец и традиция. В сущности, по нему одному, по его речи, суждениям, заседаниям, заграничным поездкам, можно было почувствовать всю ту жизнь, всё то время», – писал о нем хорошо знавший его Борис Зайцев⁷.

После революции Ю.А. Бунин остался не у дел: «Вестник воспитания», как и большинство дореволюционных изданий, был закрыт. Для него наступили трудные времена: голод, холод, болезни. Последние годы жизни он провел в ужасных условиях. Сначала ему пришлось переселиться из служебной квартиры в Староконюшенном переулке в «Здравницу для работников умственного труда», откуда в 1920 г. он сообщал Н.Д. Телешову неутешительные вести о себе: «Дорогой друг мой, Николай Дмитриевич! Прежде мы встречались друг с другом в “Книгоиздательстве”⁸ еженедельно, а иногда и чаще, а теперь потеряли эту возможность, с тех пор как нас оттуда окончательно выжили. Побывать у тебя я физически не в силах. <...> поэтому остается одна только переписка, чтобы не потерять друг друга из виду. Это было бы для меня очень тяжело, – ведь мы познакомились четверть столетия тому назад и ни разу не поссорились. <...> Сообщи, как ты поживаешь и как вообще себя чувствуешь. <...> Я живу в общем по-прежнему. Здоровье мое неважное... Начал писать свои воспоминания, касающиеся как революционного прошлого, так и разных литературных, просветительских и вообще культурных организаций (выделено мною – Т. Г.). По всем этим предметам у меня скопилось много всякого материала, отчасти уже обработанного, отчасти еще не приведенного в надлежащий порядок. Одна беда, у меня начала ослабевать память и боюсь, что напутаю что-нибудь. Кроме того, для такой работы нужно спокойствие духа, а этого-то как раз не всегда хватает»⁹. Некоторые тексты статей, заметок, записок мемуарного характера Ю.А. Бунина, посвященных литературным объединениям, сохранились, фрагменты из них цитировались в работах С. Н. Морозова, частично приводятся в Словаре М. Шрубы.

яла в том, что на его страницах печатались статьи о воспитании не только педагогов, но и врачей. Среди авторов журнала были А.Ф. Фортунатов, М.О. Гершензон, В.В. Виноградов, В.М. Бехтерев, И.И. Мечников и многие другие известные люди.

⁷ Зайцев Б.К. Юлий Бунин // Собр. соч. в 11 т. Т. 6: Мои современники. Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. С. 51.

⁸ «Книгоиздательство писателей в Москве».

⁹ Бунин Ю.А. Письмо Н.Д. Телешову // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 62. Л. 1об., 2.

Восстановленные по черновым автографам Ю.А. Бунина, хранящимся в РГАЛИ, в полном объеме эти записи публикуются впервые.

* * *

Литературные организации Москвы в первый период революции¹⁰

Такие великие исторические периоды, как переживаемый нами, требуют сохранить их в памяти не только современников, но и потомков: те материалы, которые не были совсем или своевременно опубликованы в печати, или уже появились в ней в отрывочном и разбросанном виде, материалы, характеризующие настроение тех или иных слоев общества в разные моменты революции. У меня сохранился ряд документальных данных в виде протоколов заседаний, воззваний, писем и т. п., касающихся московских литературных организаций в первые месяцы нашей революции, когда мне пришлось быть в центре этих организаций и большей частью даже во главе их. Мне кажется, что эти данные до известной степени рисуют отношение литераторов и журналистов к событиям того времени. Мне хотелось воспроизвести эти материалы с наибольшей объективностью. К личным воспоминаниям прибегаю лишь в случаях, когда не хватает документальных данных, но стараюсь это делать с большой осторожностью и проверкой со стороны лиц, участвовавших в описываемых организациях.

Февральская революция 1917 года заставила сразу всколыхнуться в Москве все общественные организации, в том числе и литературные. Прежде всего был поднят вопрос о посылке представителей в образовавшийся городской комитет образованных организаций и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Среди литературных организаций инициативу в этом деле взяло на себя Общество деятелей периодической печати и литературы, правление которого решило, не дожидаясь общего собрания, послать немедленно в Комитет общественных организаций двух временных представителей – С. П. Мельгунова и Ф.П. Шипулинского. Для избрания же председателей в Совет рабочих и солдатских депутатов правлением Общества деятелей периодической печати и литературы было созвано собрание московских журналистов независимо от того, принадлежат ли они к Обществу или нет, но на этом собрании выяснилось,

¹⁰ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 4. Ед. хр. 1.

что представительство от неорганизованной массы журналистов в Совет рабочих и солдатских депутатов допущено быть не может, что такое представительство допустимо лишь от организаций, носящих профессиональный характер, каковым среди литературных организаций являлось тогда лишь Общество деятелей периодической печати и литературы. На общем собрании этого Общества, состоявшемся немедленно после упомянутого собрания журналистов, в Совет рабочих и солдатских депутатов были избраны В.Н. Подбельский и В.М. Фриче.

Для избрания постоянных представителей в Комитет общественной организации правлением Общества деятелей периодической печати и литературы было решено созвать собрание всех существующих в Москве литературных организаций. Такое собрание состоялось 12 марта и на него явились члены следующих организаций: 1) Общества деятелей периодической печати и литературы; 2) Московского отделения кассы взаимопомощи литераторов и ученых; 3) Московского общества помощи литераторам и журналистам; 4) кружка «Среда»; 5) Общества любителей российской словесности; 6) Литературно-Художественного кружка; 7) Общества свободной эстетики; 8) Общества русских драматических писателей и оперных композиторов; 9) Общества искусства; 10) Суриковского (литературно-музыкального – Т.Г.) кружка; 11) Общества редакторов; 12) Русского биографического общества при Московском университете.¹¹

В комитет общественных организаций были избраны два председателя – Ю.А. Бунин и С.С. Раецкий (в следующем общем собрании литературных организаций кандидатом к этим представителям был избран С. П. Ордынский).

Для объединения писателей и журналистов по освещению текущего момента на собрании 12 марта было положено начало организации особого комитета, в состав которого было избрано 25 лиц с предоставлением им права привлекать новых членов. Избранные лица воспользовались этим правом, и, сверх того, предложили следующему общему собранию произвести дополнительные выборы. В окончательном виде комитет заключал в своем составе (в оригинале цифра не указана – Т.Г.) лиц. Лица эти были следующие: *Ю.И. Айхенвальд, В.А. Анзимиров, Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, Б.С. Боднарский, Н.А. Бердяев, А.А. Боровой, Ю.М. Бочаров, И.М. Брюсова, В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев*

¹¹ К этим литературным организациям вскоре после собрания 12 марта были присоединены: 1) Толстовское общество; 2) Первое литературно-музыкальное общество имени Островского и 3) Общество истории литературы при Московском университете.

(Андрей Белый), В.Ф. Булгаков, И.А. Бунин, Ю.А. Бунин, И.А. Белоусов, В.П. Вахтеров, А.Б. Вайнштейн, С. И. Варшавский, А.М. Васнецов, В.В. Вересаев-Смидович, В.П. Волгин, М.П. Гальперин, М.О. Гершензон, В.А. Гиляровский, С. С. Голоушев, Д.Я. Голубев, А.Е. Грузинский, И.А. Данилин, А.Б. Дерман, А.К. Джигелегов, А.А. Евдокимов, И.В. Жилкин, Б.К. Зайцев, Е.А. Звягинцев, И.Н. Игнатов, В.Я. Канель, Л.С. Козловский, В.А. Крандиевский, В.П. Кранихфельд, Кудряшов (инициалы не указаны, возможно, М. И. – Т.Г.), Е.Е. Курлов, Е.Д. Кускова, В.Н. Ладыженский, В.Г. Лидин, Н.М. Лисовский, В.В. Максаков, П.И. Муринов, Вл.И. Немирович-Данченко, И.Н. Нестеров, И.А. Новиков, Г.П. Новицкий, Н.П. Огановский, С. П. Ордынский, М.А. Осоргин, Ф.И. Павчинский, А.Б. Петрицев, П.Н. Петровский, И.И. Попов, Е.А. Полевой, А.Н. Петросова, В.А. Розенберг, Г.А. Рачинский, С. С. Раецкий, А.Ф. Саликовский, В.Г. Сахновский, А.С. Серафимович-Попов, Ю.В. Соболев, Б.М. Соколов, Л.Н. Столица, В.Н. Сторожев, П.С. Сухотин, Н.Д. Телешов, гр. А.Н. Толстой, гр. С. Л. Толстой, кн. Е.Н. Трубецкой, В.М. Турбин, В.М. Фриче, Г.М. Ходоровский, А.Д. Хвоценок, кн. Д.Н. Шаховской, Н.Г. Шкляр, И.С. Шмелев, С. М. Шмонин, А.А. Чумаченко, Н.Е. Эфрос, В.П. Ютанов, А.А. Яблоновский, С. В. (фамилия не указана – Т.Г.), В.Е. Якушенко.

Затем по предложению В.П. Кранихфельда было постановлено созвать представителей всех литературных организаций для выработки Устава Союза писателей и журналистов в Москве. Особое внимание собрания 12 марта обратил на себя вопрос об отношении к войне. Представитель республиканского клуба офицеров прапорщик К.А. Томашевский указал, что клуб ждет от действий писателей и журналистов завершения и укрепления добытой свободы, для чего необходимо к бросаемым в армию лозунгам «мир и братство народам» добавить слова «победа над германским империализмом». Собрание признало необходимым издание всевозможных воззваний, брошенных для распространения в народных массах с целью «ознакомления с значением переживаемых событий и необходимостью закрепления свободы организации, дисциплины, порядка и спокойствия, а также вполне ясного и сознательного отношения к войне». В.А. Анзимиров предложил собранию вынести резолюцию относительно необходимости продолжения войны до победного конца. Составленный им проект резолюции постановлено было предложить на обсуждение следующего общего собрания литературных организаций. Вследствие изменившихся обстоятельств проект этот не был рассмотрен. Тем не менее надо констатировать, что настрое-

ние огромного большинства писателей и журналистов впервые было определено воинственным. Все верили, что освобожденный народ пожелает и сумеет отразить врага, который будет стремиться задавить только что добытую свободу, так как на первом же собрании Комитета литературных организаций, когда он еще не был окончательно сформирован, было постановлено присоединить к тезисам, принятым петербургскими журналистами: 1) борьба со всякого рода пораженческими течениями; 2) борьба со всеми возможными проявлениями анархии и беспорядка; 3) борьба с контрреволюцией; 4) поддержание Временного правительства и 5) соби́рание активных сил для продолжения войны.

Параллельно одновременно с соби́ранием литературных организаций тотчас после февральского переворота были еще организованы по инициативе покойного В.В. Каллаша, Ю.К. Балтрушайтиса и др. особые совещания писателей в Художественном театре. Круг приглашенных был довольно ограниченным, но вследствие неорганизованности дела на совещаниях присутствовали лица, явившиеся без особого приглашения. Состав совещаний был довольно разнородный, но общий тон им задавала группа лиц, объединенных на религиозно-философской почве, а именно: кн. Е.Н. Трубецкой, Андрей Белый, покойный В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяев, Лев Шестов, М.О. Гершензон, С. Н. Булгаков и др. Из беллетристов и поэтов присутствовали: В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, Н.Д. Телешов, И.С. Шмелев, А.Н. Толстой, А.Р. Крандиевская, И.А. Новиков, П.С. Сухотин, В.Г. Лидин и др. Посещали собрание и некоторые публицисты, журналисты, артисты и проч. Председательствовал, как обычно, Вл.Ив. Немирович-Данченко. Собрание было посвящено вопросу об отношении к войне. С особыми докладами выступали главным образом лица первой из указанных категорий, отстаивая с большой горячностью необходимость энергичной борьбы с немцами. Приводим протоколы комиссии, образованной для составления резолюции по поводу этих докладов. В общем собрании литературных организаций 14 мая 1917 года, происходившем в день демонстрации по поводу приговора к смертной казни Фридриха Адлера, был составлен следующий протокол: «Признавая смертную казнь, по какому бы поводу и над кем бы она ни совершалась, преступлением против элементарного нравственного чувства, общее собрание соединенных литературных организаций Москвы пламенно протестует против смертного приговора Фридриху Адлеру, священнику Рыжову и призывает литературных собратьев всего мира противостоять во всех странах против института смертной казни,

оскорбляющей своим существованием человечество и его духовную культуру».

Представители литературных организаций в ином составе собрались весной 1917 года по разным вопросам. Так, комиссар исполнительного комитета общественных организаций по московскому градоначальству П.П. Лидов предложил 15 марта президиуму литературно-художественного кружка созвать совещание представителей литературных организаций для избрания Совета из десяти лиц, каковые могли бы взять под свое наблюдение и руководство все операции по надзору за печатью в Москве при помощи существующих при градоначальстве учреждений. Таковой состав по мысли комиссариата гарантировал бы означенные учреждения от всяких нареканий и мог бы придать надзору за печатью широкий общественный характер, а также на практике вырабатывать указания к исправлению и дополнению временного положения о печати, которые могли быть положены в основу пересмотра в будущем всего законодательства по надзору за печатью в связи с переменой государственного строя.

Субботы у Ник<олая> Ник<олаевича> Златовратского¹²

С Николаем Николаевичем Златовратским я познакомился однажды, когда жил в провинции, но это знакомство было случайным и поверхностным. После моего переезда в Москву в 1897 г. я получил возможность сблизиться с ним. Этому способствовали разные обстоятельства. Во-первых, играли роль мои давнишние народнические симпатии, которые я сохранил и в то время, когда многие из народников стали склоняться к марксизму и социал-демократии. Во-вторых, у меня оказались некоторые общие с Н<иколаем> Н<иколаевичем> приятели, которых я знал еще со времен студенчества, как покойные теперь д-р В.Ф. Ставровский, профессора Н.А. Карбышев, В.Д. Соколов и некоторые другие лица. В-третьих, и это, может быть, самое главное, Ник<олай> Ник<олаевич> состоял постоянным сотрудником по отделу рецензий на статьи и народные книги в журнале «Вестник воспитания», заведовать которым я был приглашен и с этой целью перебрался в Москву. Мой предшественник по журналу, ныне тоже покойный, Е.Д. Синицкий, был в очень добрых отношениях с Н<иколаем> Н<иколаевичем> и содействовал моему сближению с ним. Наконец, почти тотчас же после моего переезда в Москву организован был комитет для торжественного празднова-

¹² Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 10. 4 л. 3-ий л. с. об.

ния 30-летнего юбилея Ник<олая> Ник<олаевича>¹³. В этот комитет, в который, кроме названных лиц, входили покойные профессора А.И. Чупров, В.А. Гольцев, был приглашен и я.

У Ник<олая> Ник<олаевича> собирались более-менее близкие ему люди еженедельно по субботам. «Субботы» продолжались до самой его смерти в декабре 1911 года, сохраняя в общем один и тот же характер. Все это время Н<иколай> Н<иколаевич> жил на Малой Бронной в доме Гирша (Гершензона), как его прежде называли (теперь это дом Росстрахобщества «Жизнь») – сначала в кв. 67, а с 1906 – в кв. № 8 (обе квартиры устроены по одному образцу).

Квартира у Ник<олая> Ник<олаевича> была небольшая и бывало даже душно, когда набиралось довольно много народу, как это случилось, например, 14 декабря, в день его рождения. Но даже и при сравнительно небольших количествах посетителей в обычные «субботы» все-таки ощущалась теснота.

Публика собиралась сравнительно рано – часов в восемь. Как сейчас, представляю себе Н<иколая> Н<иколаевича> в русской шитой парусиновой или полотняной рубашке, набивающего машинально себе папирос, обычно он курил непрерывно одну за другой, или показывающего пришедшим уже гостям газету с каким-либо интересным известием, или новую книжку. Когда гостей становилось больше, переходили в другую, более просторную комнату. Делились новостями, завязывались беседы, переходящие нередко в споры – большей частью на международные или общественно-политические темы. Иногда Ник<олай> Ник<олаевич> рассказывал эпизоды из своей жизни, описывал встречи с разными писателями, причем особенно любил вспоминать Гл<еба> Ив<ановича> Успенского или кого-либо другого из глав «Отечественных записок». Интересно отметить, что мне не приходилось слышать от него какие-либо рассказы или воспоминания из его наблюдений над народной жизнью. Если он и говорил на эту тему, то это относилось обычно к его недавним наблюдениям над некоторыми представителями из народа при станции Апрелевке Брянской железной дороги. Не особенно любил он также и теоретические беседы на тему о народничестве и марксизме. Ему казалось, по-видимому, что идеи народничества настолько прочно обоснованы и соответствуют интересам и особенностям русской жизни, что к противоположным течениям он относился как к чему-то наносному, временному и даже малоинтересному. Марксизм он ставил на одну доску с декадентством, говоря о том и о дру-

¹³ 16 ноября 1897 г. должны были чествовать Н.Н. Златовратского по случаю 30-летия его литературной деятельности.

гом, что все это скоропреходящее и «эффемерное». Я полагаю сверх того, что у него вообще не было склонности к вопросам, а тем более к теоретическим спорам.

Из моего многолетнего знакомства с Ник<олаем> Ник<олаевичем> я вынес твердое убеждение, что он, вопреки довольно распространенному мнению, вовсе не может быть причислен к идеализаторам народа: он ценил многие его свойства и тенденции, но видел также его недостатки: грубость, забитость, невежество и другие отрицательные черты. Он меньше всего был доктринером, протестовал против нарочитой <нрзб> и тенденциозности в детской и народной литературе, зато высоко ценил проблески самосознания и таланта у народа. Поэтому он всячески покровительствовал «писателям из народа» и самоучкам в других областях искусства.

На «Субботах» бывал один из художников, вышедший из народной среды, но, конечно, у Ник<олая> Ник<олаевича> преимущественно бывали «писатели из народа», как вполне определившиеся, вроде С. Т. Семенова и С.Д. Дрожжина, так и молодые, и вновь начинающие. К последней категории принадлежали Н.А. Лазарев и Т. Тавринов.

К числу более или менее постоянных посетителей относились еще некоторые наиболее демократические в народническом духе представители земского «третьего элемента», как В.В. Петров, работавший в журнале по народному образованию, покойный И.П. Боголепов – первым поднявший практические вопросы о всеобщем обучении (ранее В.П. Вахтеров), городской врач, друг Ник<олая> Ник<олаевича> В.Ф. Ставровский, со своей супругой Павлой Ивановой и представители других профессий.

«Четверги» у Н.Ф. Михайлова¹⁴

В течение двадцати лет мне пришлось бывать на «Четвергах» у Н<иколая> Ф<едоровича> Михайлова, совместно с которым мы вели «Вестник воспитания». С ноября 1917 г. Николай Федорович переселился в Крым на собственную дачу в Судак.

«Четверги» у него носили довольно своеобразный характер. Собрания обыкновенно бывали интимные и потому немногочисленные, собирались родственники Н<иколая> Ф<едоровича> и его супруги Юл<ии> Ив<ановны>, врачи – большею частью старинные его товарищи по университету и по службе в земстве, городском самоуправлении (И.В. Попов, М.С. Тенкин, Н.Н. Алексеев, С. В. Пуч-

¹⁴ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1, 2 об.

ков, некто П.И. Яковлев, И.И. Орлов, М.Д. Фокин и др.), ближайшие сотрудники «Вестника воспитания» (Г.А. По-Роков, Л.Я. Синицкий и его покойный брат Е.Д., д-р Д.Д. Бекарюков и проч.), литераторы, ученые, адвокаты, мой брат Ив<ан> Ал<ексеевич>, П.М. Шестаков, проф. Н.А. Каблуков с супругой М.Н., Л.А. Хитрово, Д.Н. Доброхотов и др.). Хотя состав посетителей «Четвергов», разумеется, за два десятилетия не мог не измениться, но все же он оставался в значительной мере устойчивым в своей основной группе, состоявшей из перечисленных лиц. В известное время, когда в Москве происходили разные съезды (медицинские, по народному образованию и др.), на «Четвергах» появлялись и иногородние друзья, и близкие знакомые Н<иколая> Ф<едоровича>. В различные <нрзб> моменты общественной или политической жизни число гостей на «Четвергах», конечно, увеличивалось, хотя журфиксы у Н<иколая> Ф<едоровича> никогда не носили политической и тем менее какой-либо партийной окраски.

Другою особенностью «Четвергов», кроме устойчивости состава их посетителей, был их скромный, корректный характер – иногда даже несколько скучноватый в глазах тех, кто привык на журфиксах в других домах к шумному веселью и даже разгулу, продолжавшемуся иногда чуть не до утра. Обычно гости на «Четверги» собирались часам к девяти, когда был уже подан чай, фрукты, сласти и проч.

После чая гости отправлялись в кабинет Н<иколая> Ф<едоровича> и в соседнюю гостиную. Здесь нередко прочитывались различные новинки – литературные, общественно-политические, которые не всем удавалось достать (разные воззвания, сообщения, доклады и проч.). Иногда возникали интересные и поучительные прения, причем полемический и резкий тон обыкновенно отсутствовал. Затем, довольно часто, после этого устраивалось небольшое концертное отделение (на рояле, фисгармонии – иногда совместно с виолончелью или скрипкой). Вечер заканчивался легким, но очень хорошим ужином с небольшим количеством вина (также хорошего качества). Часу в первом ночи гости обычно уже разъезжались. Такой порядок вечеров сохранялся, быть может, даже от большей устойчивости в течение долгих лет, чем состав их посетителей.

Имели ли эти вечера какое-либо общественное значение? На этот вопрос можно ответить двояко: и да, и нет. Конечно, посетители «Четвергов» представляли собой слишком различные элементы как в профессиональном, так и в идейном отношении.

Тогда приглашались видные артисты, оперные певцы, музыканты, литераторы. Из последних упомяну Н.Д. Телешова, моего брата

Ив<ана> Ал<ексеевича> (Булнина – Т.Г.), С. Д. Махалова-Разумовского, Л.А. Хитрово, покойного В.Е. Ермилова. Все это производило на провинциальную учащуюся молодежь неизгладимое впечатление. Некоторые из них писали Н<иколаю> Ф<едоровичу> искренние благодарственные письма. Мне припоминаются вечера, предназначенные для учителей, они не были объединены в какой-либо кружок, не составляли одного целого, не преследовали никаких заранее поставленных целей, нисколько не задавались никакой программой, а просто являлись гостями Н<иколая> Ф<едоровича>, желая встретиться с ним, с его семьей и с некоторыми добрыми знакомыми. Словом, это были обычные журфиксы, которых в Москве было очень много. Тем не менее «Четверги» Н<иколая> Ф<едоровича> не были бытательскими журфиксами, на которые собираются исключительно ради развлечения – отдохнуть в близком кругу, провести весело время, поиграть в карты, выпить, закусить и т.д. Они носили интеллигентский характер, как ни разнороден был их состав, в общем это все-таки была прогрессивная компания.

Системные и многолюдные встречи не могли пройти бесследно, по крайней мере, для части посетителей «Четвергов», невольно и заранее составленного плана, сближали людей между собой, создавали между некоторыми из них более или менее крепкую связь, добрые отношения и подготовили почву для совместной работы на разных поприщах (одним – при журнале «Вестник воспитания», другим – в земстве, в городском самоуправлении, в различных просветительных, благотворительных и иных областях).

Люди, собиравшиеся на «Четвергах», принадлежали почти сплошь к пожилым. Молодежь почти отсутствовала. Для нее Н<иколай> Ф<едорович> устраивал в течение сезона несколько особых вечеров с танцами, играми, музыкой, пением и проч. Иногда эти вечера были маскированные.

Кроме того, одно время, раз или два ежегодно, у Н<иколая> Ф<едоровича> устраивались вечера для учеников и учениц учительских семинарий и других учебных заведений (провинциальных): школы Макановой в Твери (экскурсия воспитанников этой школы была организована под руководством г-жи Свешниковой) и для новгородской учительской семинарии (экскурсия под руководством А.М. Анисимова). Для новгородской семинарии было организовано два или три вечера, точно не упомяну.

В конце 90-х, в начале 900-х годов Михайлов нередко приглашал многих из посетителей своих «Четвергов» в свое имение Лунёво близ станции Сходня Николаевской железной дороги, перешедшее

потом к московскому предводителю дворянства Базиловскому. Поездки туда и летом, и зимой носили исключительно увеселительный характер, ради прогулок и отдыха. Я не сомневаюсь, что если не у всех, то у большинства, пребывание в Лунево оставило приятные воспоминания.

«Литературный Особняк»

Заметка¹⁵

Возникновение «Литературного Особняка» в качестве отдельной организации объясняется тем, что многие поэты и писатели, возмущенные крайне напряженным характером деятельности Союза поэтов, в виде протеста решили выйти из его состава и образовать свою особенную группу неоклассической поэзии, представителем которой был избран Олег Леонидович Леонидов-Шиманский¹⁶. Во время отсутствия в Москве Леонидова заместителем его был Василий Павлович Федоров, в настоящее время известный поэт и переводчик Верхарна. «Литературный Особняк» формально считается отделением «Среды», но фактически является самостоятельной литературной организацией.

Собрания «Литературного Особняка» происходили в разных местах: в квартире Леонидова в Денежном переулке, в квартире Михаила Петровича Гальперина (Пименовский пер., д. 8), у С. Альперта, в доме Щербатова на Новинском бульваре, и за последнее время – в Доме печати (Никитский бульвар, 8), еженедельно, за редким исключением по понедельникам. Помещение в Доме печати очень хорошее. «Особняку» предоставляется обширная теплая и освещаемая комната. Имеется буфет, где за сравнительно дешевую плату можно получить кофе и бутерброды. Для более тесного общения на заседания «Литературного Особняка» приглашаются представители Дома печати. В собраниях Особняка велись протоколы, но, кажется, не всегда и не систематично.

В прениях наиболее активное участие принимали М.П. Гальперин и В.П. Федоров. Возражения последнего лекторам обыкновенно бывали очень подробные, обстоятельные и часто чрезвычайно резкие. Это относилось как к содержанию, так и к форме прочитанных произведений – и к получаемым от них звуковым впечатлениям, к ритму, аллитерациям и проч. Довольно часто с подробными воз-

¹⁵ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1, 2об.

¹⁶ Леонидов Олег Леонидович (наст. фамилия Шиманский; 1893–1951) – поэт, прозаик, драматург.

ражениями выступала К. Ник. Лаврова – супруга Ветрова-Пржеславского. Кроме стихов, в «Особняке» читали иногда рефераты. Так, Екатерина Николаевна Волчанецкая читала о поэзии Иннокентия Анненского, С. Г. Кара-Мурза – о художнике Баксте, о котором было получено известие, не вполне проверенное, что он скончался.

Иногда в «Особняке» читали свои произведения, стихи и посторонние лица. С особым вниманием были, например, заслушаны стихи Ив<ана> Серг<еевича> Рукавишников – руководителя «Дворца искусств». Бывали и другие гости.

Протест против Союза поэтов на практике оказался далеко недействительным. Очень многие из поэтов и поэтесс, состоя членами «Особняка», вновь вошли в состав Союза и там усердно читали свои произведения и делали это тем охотнее, потому что в Союзе за выступление уплачивали некоторый гонорар. Участие членов «Особняка» в Союзе было вначале трудно представимым, ибо на первых порах между Вад<имом> Габ<риелевичем> Шершеневичем – одним из руководителей Союза, и участником «Особняка» Адуевым – возникла ссора, чуть не окончившаяся дуэлью, которая, однако, не состоялась. Адуев принужден был уйти из «Особняка»¹⁷.

«Особняк» с течением времени стал пополняться новыми членами и принял иной характер. Из старых представителей остались сравнительно немногие, между которыми выделяются, кроме выше упоминаемых, Лукьянова, Присманова, Бутягина, Арго, Ямпольский. «Особняк» в политическом отношении остается беспартийным, но стихи и другие произведения с революционной в коммунистическом духе окраской явно пользуются симпатией членов «Особняка». Что касается литературной школы, то «Особняк» принципиально относится одинаково к ним ко всем, но фактически отдает предпочтение символизму и модернизму, и, хотя крайне левые течения не встречают полного поощрения, однако нередко читаемые в «Особняке» стихи очень близко соприкасаются с ними. Кроме того, некоторые лекторы как бы щеголяют тем, что они выражают лишь свои индивидуальные ощущения, понятные только им самим, а не слушателям. «Это я ощущаю так-то», «это мне представляется в таком-то виде» и тому подобные заявления часто приходится слышать, нередко притом и в категорической форме, противопоставляющей «я» остальной публике, не способной понять жестокостей такого индивидуализма – «в этом-де она виновата сама» – вот *ultima ratio* указанных заявлений.

¹⁷ Адуев Николай Альфредович (наст. фамилия Рабинович; 1895–1950) – поэт, драматург, либреттист.

У В. П. Ютанова. В редакции «Сполохи». Воспоминания¹⁸

Один из наиболее деятельных членов «Среды» новой формации В.П. Ютанов около десяти лет является редактором-издателем сборников «Сполохи». До настоящего времени (октябрь 1918) вышло 12 книг «Сполохов». По редактированию последних выпусков этих сборников помощником В.П. Ютанова был И.И. Белоусов – старший сын Ив<ана> Ал<ексеевича> Белоусова. В настоящее время в редактировании их участвует Н.Н. Ляшко (недавно к участию в редакцию был привлечен еще молодой писатель А.А. Тришанов-Добровольский, Л.Н. Зилов, уехавший теперь в провинцию). Вообще редакция «Сполохов» принимает характер коллектива и как таковая заслуживает внимания.

Редакция смогла сгруппировать вокруг себя довольно значит<ельный> контингент сотрудников. Между ними имеются и старые литераторы: как Ив<ан> Ал<ексеевич> Белоусов, А.М. Венгеров, А.С. Серафимович, так и более молодые, из которых большинство принадлежит к кружку «Среда»: Н.С. Ашукин, Н.Ф. Бернер, А.И. Белоусов (начинающий поэт – второй сын Ив. Ал.), М.П. Гальперин, А.И. Журин, Л.Н. Зилов, Н.Н. Ляшко, С. А. Малиновская, П. Милованов, Н.М. Мюш, И.А. Новиков, А.И. Окулов, М. Папер, П.К. Искровский, Б.А. Пильняк, Ю.В. Соболев, А.А. Тришатов, И.Г. Эренбург. Наконец, сотрудниками сборников были и лица, не входившие в состав «Среды», а именно С. Григорьев, Д. Крачковский, Н. Лубнин, К. Маригодов, Е. Месанер, И. Оханов, К. Павлович, М. Розанов, Н. Сорока, А. Чернышев, С. Чеглаков (сын сотрудников последних трех выпусков «Сполохов»); имена сотрудников расположены в алфавитном порядке).

Главная задача «Сполохов» – привлекать новые молодые силы. Произведения, предназначенные редакцией к печати, иногда прочитываются в присутствии приглашенных лиц. Мне пришлось слышать чтение рассказа Н.Н. Ляшко «Никон из заимки».

Редакция «Сполохов» в минувшем году ассигновала небольшую сумму (400 рублей) на премии по конкурсу, объявленному «Средой» для авторов, не выпустивших свои беллетристические (в прозе) произведения отдельными сборниками.

Случайные летние чтения у разных лиц¹⁹

¹⁸ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 1.

¹⁹ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 9. 2 л.

До сих пор я говорил о более и менее регулярных и постоянных собраниях, на которых читались и обсуждались новые литературные произведения. Но наряду с ними бывали и случайные собрания, о которых я упомяну для полноты описываемой мною картины, причем имея в виду последние пять-семь лет.

Иногда это бывали многолюдные, но не публичные собрания. Так, одно время устраивались чтения у А.И. Адашева для слушателей с его курсов. Одно из таких собраний устроено было в связи с юбилеем моего брата Ив. Ал. В 1912 г. брат выступал на нем с чтением своих стихотворений. В 1913 г. читал свой рассказ И.С. Шмелев. В 1916 г. у В.Д. Лебедевой и у г-жи Радбоковой-Иванцовой читала свои полубеллетристические исторические воспоминания о своей детской и шлиссельбургской жизни Вера Н. Фигнер. Собрания были довольно многолюдные. Вера Н. выступала с большой скромностью и даже как бы с конфузливостью и неуверенностью в своем литературном даровании.

В небольшом кругу своих наиболее близких товарищей по старой «Среде» читал свои новые пьесы драматург С.Д. Махалов-Разумовский, эти же лица приглашались им в особо занятые ложи на <...>.

У себя на дому читал иногда свои новые произведения И.С. Шмелев, приглашая, однако, очень ограниченный круг слушателей.

Мне приходилось бывать у Н.А. Крашенинникова (у него читал свои произведения С. С. Голоушев). Такого же рода собрания были у А.С. Серафимовича, у С. Юма (читал иногда не только свои произведения, но и чужие, как, напр., пьесы Истомина), у брата Ив<ана> Ал<ексеевича>, у П.А. Нилуса (читал свой рассказ), у С.В. Яблонского (рассказ «От Пушкина до Игоря Северянина»), у А.Я. Грузинского.

У Николая Григорьевича Шкляра²⁰

Н. Г. Шкляр за последние 3 года, желая выслушать мнения некоторых своих знакомых относительно своих новых рассказов, приглашал иногда к себе небольшую компанию, в состав которой входили: я, мой брат Иван Алексеевич с супругой Верой Николаевной, Алексей Евгеньевич Грузинский с супругой, Н.А. Пушешников, А.Б. Дерман, Ада Чумаченко. При чтении присутствовали, кроме семьи Н<иколая> Г<ригорьевича>, иногда и случайные посетители.

²⁰ Автограф: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 1.

Так, напр., однажды был приглашен А.Ф. Кокошкин, брат покойного Ф<едора> Ф<едоровича>.

Из прочитанных рассказов припоминаются следующие: «Святой кладезь», «Братья», «Разрушение Иерусалимского храма», «Завещание» и «Длинный день».

Не будучи профессиональным писателем, Н<иколай> Г<ригорьевич> имел большое тяготение к литературе и, по мнению названной компании, обладал несомненным талантом и хорошим литературным чувством, которое он неоднократно обнаруживал в прениях на «Средах». В своих отзывах он иногда бывал резок и слишком прям, чем у некоторых авторов на «Средах» вызывал к себе неприязненные чувства, в особенности у авторов молодых, получивших, однако, известную популярность, и притом из лагеря модернистов. Они почему-то считали Н<иколая> Г<ригорьевича> <далее текст написан неразборчиво – Т.Г.>.

1 марта 1918 г.

Литература

- Гордиенко Т.В.* Ю.А. Бунин: материалы к биографии. М.: ИКАР, 2017. 208 с.
 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2: 1910–1919 / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1183 с.
Сайкина О.А. Новый документ по истории народовольческого движения // Отечественная история. 2000. № 5, сент.–окт. С. 154–159.
Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

References

- Gordienko T.V. *Iu.A. Bunin: materialy k biografii* [Yu.A. Bunin: materials for biography]. Moscow, IKAR Publ., 2017. 208 p. (In Russ.)
Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 2: 1910–1919 [Chronicle of life and works of I.A. Bunin. Vol. 2, 1910–1919], comp. by S.N. Morozov. Moscow, RAS Institute of World Literature Publ., 2017. 1183 p. (In Russ.)
 Saikina O.A. Novyi dokument po istorii narodovol'cheskogo dvizheniia [A new document on the history of Narodnaaya Volya movement]. *Otechestvennaia istoriia*, 2000, no. 5, sept.-oct., pp. 154–159.
 Schrub M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and Petersburg in 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 448 p.

Yuri Bunin on Moscow literary associations: 1890–1917

Tamara V. Gordienko

Abstract: The article is devoted to literary, educational and cultural organizations of Moscow in the late 19th – early 20th centuries. The article is based on manuscripts, drafts and records of Yuri Bunin from his collection in RGALI. A well-known public figure, journalist, editor of the pedagogical journal “Bulletin of Education” kept records of his time and the events in the world of literature and art, in which he happened to participate. The full text is published for the first time.

Keywords: late 19th – early 20th centuries, literary associations, societies, circles.

Information about the author: Tamara V. Gordienko, PhD, independent researcher. Moscow, Russia. E-mail: tamara_gordienko@mail.ru